

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**МЕТОД:
МОСКОВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

ВЫПУСК 9

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО
ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ**

**МОСКВА
2019**

ББК 60; 66
М 54

**Центр перспективных методологий
социально-гуманитарных исследований**

Главный редактор – М.В. Ильин

Ответственные за выпуск – В.С. Авдонин, И.В. Фомин

М 54 **МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманитар. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. – М., 2019. – Вып. 9: Методологические аспекты трансдисциплинарного трансфера знаний / Ред.-сост. вып. Ильин М.В. – 467 с.
ISBN 978-5-248-00930-5**

В сборнике рассматриваются практика трансфера знаний между отдельными социально-гуманитарными и естественно-научными дисциплинами, а также возникающие в связи с этим методологические вызовы. Первостепенное внимание в связи с этим уделяется взаимодействиям между социальными науками, лингвистикой и биологией. Обсуждаются когнитивные аспекты переноса знаний и умений, полученных в рамках одной дисциплины, в другие. Анализируются возможности и ограничения выработки междисциплинарного и трансдисциплинарного методологического инструментария.

Для специалистов-обществоведов, гуманитариев и биологов, аспирантов и студентов.

ББК 60; 66

ISBN 978-5-248-00930-5

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

М.В. Ильин, В.С. Авдонин, И.В. Фомин Методологический вызов. Приращение учености. Чего недостает в эпоху специализации? Что может восполнить эту нехватку?	6
М.В. Ильин. От безгласия и безмыслия к речи и мысли, а от них – к полиглотии и полиматии	23

ВЛАСТЬ СМЫСЛА: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМИОЗИСА

Пол Кокелман. Биосемиозис, технокогниция и социогенезис: Отбор и означивание в мультиверсуме просеивания и серендипности.....	37
И.В. Фомин. Междисциплинарный проект Боба Ходжа: Социальная семиотика для хаотичного мира	83
Дж. Бейтман, Дж. Уилдфер, Т. Хиппала. Мультиmodalность. Базовые принципы, способы исследования и методы анализа. Проблемно-ориентированное введение. (Реферат)	92
А.В. Алексеев. Ускользящий «топос»: К вопросу о содержании понятия и пределах его применимости	98
Памяти Гюнтера Кресса	114

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ: БИОПОЛИТИКА, БИОСЕМИОТИКА

В.С. Авдонин. Конвергенция знаний биологических и политических наук в свете «эпигенетического расширения» эволюционного синтеза.....	115
К.В. Фокин. Авторитет в оптиках биологии и политики	138
С.В. Чебанов. На пути к семиотически осознаваемой биологии: Биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции.....	151
Г.И. Остапенко. Биокоммуникация: Социальная природа взаимодействия биотических акторов. (Сводный реферат)	174

ВЛАСТЬ ПЕРВОДА: МЕТАФОРА, ТРАНСФЕР И КОНВЕРГЕНЦИЯ

С.Т. Золян. К основаниям теории междисциплинарного трансфера. Принцип теории переводоведческой относительности	193
А.В. Спиоров, Е.М. Мясникова. Лингвистическое моделирование регуляции генов: Перевод с языка экспериментов на язык моделирования	233
М.И. Киосе. Оязыковление, метакоммуникация и конвергенция понимания. (Сводный реферат)	272

РОККАНОВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

О.Ю. Малинова. Политика памяти как область символической политики	285
---	-----

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

И.М. Локшин. Безумие и метод: Алексис де Токвиль и Аджемоглу, Егоров и Сонин о связи между социальной мобильностью и демократией.....	313
И.А. Шмерлина. «Социальная форма» как предмет и инструмент социологического анализа: Историко-научное введение.....	325

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОЦИЯ

В.А. Чалый. Трансцендентальная когнитивистика Валентина Бажанова. (Рецензия)	349
Г.И. Остапенко. Главные научные достижения Терренса Дикона. (Обзор).....	353
Т. Дикон. Человеческая изменчивость и происхождение и эволюция языка. (Реферат).....	363
К. Куль. Свободный выбор и обучение: Семиозис как процесс выбора. (Реферат)	367
А. Пасюк. Сознание на уровне клетки? (Сводный реферат).....	371
Д. Деннет. Навстречу трудному вопросу сознания. (Реферат)	376
Г.Х. Хлебников. Информация: современные подходы и первые результаты. (Сводный реферат)	382

АРХИВ НА ЗАВТРА

Ч.С. Пирс. Что такое знак?.....	400
---------------------------------	-----

А.Е. Седов. Уровни организации живого – структурные, функциональные и классификационные. Типы взаимодействий частей и целого и устойчивость биосистем: Сравнение транспозиций на разных структурных уровнях.....	410
А.Е. Седов. Логика и история науки, запечатленная в метафорах ее языка: Количественный и структурный анализ профессиональных терминов и высказываний генетики	426
Аннотации.....	446
Сведения об авторах	463

А.В. Алексеев
**УСКОЛЬЗАЮЩИЙ «ТОПОС»:
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ
И ПРЕДЕЛАХ ЕГО ПРИМЕНИМОСТИ**

1. Введение

«Лингвистический поворот», произошедший в научном познании в первой трети XX в., и в особенности «дискурсивный переворот» в науках о человеке и обществе в последней трети [Макаров, 2003], стали отражением нарастающей потребности в преодолении существующих тенденций к субдисциплинарному дроблению социально-гуманитарного знания и в поиске некой объединяющей трансдисциплинарной методологической рамки [Ильин, 2014]. Одной из наиболее перспективных рамок, пригодных для осуществления трансдисциплинарной интеграции знания, представляется семиотика [Фомин, 2015, с. 10]. Несмотря на то, что существующие в социально-гуманитарных науках семиотические инструменты до сих пор не оформились в целостную систему семиотических методов исследования [Фомин, 2015, с. 19], они активно используются в лингвистике, культурологии, литературоведении, социологии и политической науке. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении того, как семиотические инструменты исследования применяются в различных социально-гуманитарных науках на практике, становится очевидной широкая вариативность как самих инструментов, так и значений конкретных понятий в рамках отдельно взятых дисциплин, школ, направлений и даже отдельных исследовательских традиций.

В настоящей статье рассматриваются причины, следствия и пути преодоления существующей размытости значения понятия «*топос*» (*topos*) – ключевого понятия в рамках дискурс-исторического подхода к критическому дискурс-анализу в политической науке [Hart, Cap, 2014, p. 9], понятия, нашедшего широкое применение и в других дисциплинах – в частности в философии [см. напр.: Грякалов, 2018], лингвистике [см. напр.: Хазагеров, 2008] и литературоведении [см. напр.: Степанов, 2018; Васильева, 2018], но

наполненного в их рамках совершенно разными значениями. Эта статья – попытка разобраться, что же обозначается понятием «топос» в рамках дискурс-исторического подхода и почему по сей день оно остается открытым для столь широкой интерпретации. Проведя анализ практики использования понятия «топос», мы попытаемся очертить условия, при которых его применение способствовало бы более упорядоченному взаимодействию между множеством различных дисциплин, которые к этому понятию обращаются.

Для этого в первой части статьи отслеживается существующая вариативность значения понятия «топос» в работах авторов, представляющих дискурс-исторический подход в рамках критического дискурс-анализа в политической науке. Во второй части рассматривается происхождение понятия «топос», анализируются его первоначальное наполнение и контексты его использования. Наконец, в заключительной части предлагаются пути устранения существующей терминологической путаницы в рамках дискурс-исторического подхода к критическому дискурс-анализу через ограничение сферы использования понятия «топос» теми случаями, когда его значение приближается к смыслу, приписывавшимся топосу в Античности.

Использование понятия «топос» в критическом дискурс-анализе

Одним из наиболее востребованных подходов среди исследователей, занимающихся анализом политического дискурса с критических позиций, в настоящее время является дискурс-исторический подход (Discourse-Historical Approach), разработанный в конце 80-х годов прошлого века группой исследователей Венской школы дискурс-анализа во главе с Рут Водак [Reisigl, 2018, p. 44]. Дискурс-исторический подход является одним из двух – наряду с диалектико-реляционным подходом (Dialectical-Relational Approach), предложенным Норманом Фэйрклоу [Fairclough, 1995; Chouliaraki, Fairclough, 1999], – направлений критического дискурс-анализа, уделяющих особое внимание изучению аргументации при рассмотрении дискурсивных практик [Reisigl, 2014, p. 67].

В основе теории аргументации, используемой последователями дискурс-исторического подхода, – синтез элементов теорий, методов, моделей и принципов аргументации, почерпнутых из трудов Стивена Тулмина [Toulmin, 2003], Йозефа Коппершмидта [Kopperschmidt, 2000], Манфреда Кинпойнтнера [Kienpointner, 1992; Kienpointner, 1997], Мартина Венгелера [Wengeler, 2003], а также элементов прагма-диалектики, разрабатываемой Франсом ван Эмереном, Робом Гротендорстом, Франсиской Снок Хенкеманс и Петером Хаутлессером [van Eemeren, Grootendorst, 1992; van Eemeren, Grootendorst, Snoeck Henkemans, 1996; van Eemeren, Houtlessler, Snoeck Henkemans, 2007].

Анализ аргументации в рамках этого подхода производится при рассмотрении дискурсивных стратегий, определяемых как «набор практик (в том числе дискурсивных практик), более или менее сознательно выбранных для достижения некоторых социальных, политических, психологических или языковых целей» [Reisigl, Wodak, 2016, p. 33]. Всего таких стратегий выделяется пять: стратегия номинации (служит для дискурсивного конструирования социальных акторов, объектов, явлений, событий, процессов и действий), стратегия предикации (служит для присвоения позитивных или негативных характеристик социальным акторам, объектам, явлениям, событиям, процессам и действиям), стратегия перспективизации (служит для позиционирования автора относительно излагаемой точки зрения) и, наконец, стратегия интенсификации (митигации) (служит для изменения силы дискурса, а через него – эпистемической или деонтической модальности высказывания) интересующая нас *стратегия аргументации* (служит для доказательства или опровержения утверждений, претендующих на истинность или нормативную правильность) [Reisigl, Wodak, 2016, p. 33].

Понятию «*топос*» (topos) в теории аргументации дискурс-исторического подхода отведено особое место [Hart, Cap, 2014, p. 5]. В этом плане подход Водак и ее коллег наследует классической и новой риторике, а также теории прагматодиактики [Reisigl, Wodak, 2001, p. 32]. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении того, как изменяется с течением времени наполнение этого понятия, становится очевидна широкая вариативность его интерпретации даже в работах одних и тех же авторов.

Так, в вышедшей в 2001 г. первой крупной англоязычной работе Рут Водак и Райзигла «Дискурс и дискриминация. Риторика расизма и антисемитизма» приводится заимствованное у Кинпойнтнера определение топосов (topoi) (и, очевидно, полностью синонимичных им, а значит, взаимозаменяемых с ними локусов (loci)) как «частей аргументации, которые относятся к обязательным, будь то явным или выводимым посылкам, [которые обосновывают] аргумент». По Кинпойнтнеру, «это связанные с содержанием обоснования (content-related warrants¹) или правила получения заключений (conclusion rules), соединяющие аргумент(ы) с заключением (conclusion 1), с тезисом (claim 1). С помощью них обосновывается переход от аргумента к заключению» [Kienpointner, 1992, S. 194; см. также Reisigl, Wodak, 2001, p. 75–76].

Всякий топос, по Райзиглу и Водак, может быть сведен к некому правилу получения заключений (conclusion rule) типа «если X, то Y». Например, как указывают авторы, «топос определения или интерпретации наименования (locus a nominis interpretatione) сводится к следующему правилу: если действие, предмет или человек названы X, то это действие, вещь или

¹ Здесь Кинпойнтнер апеллирует к терминологии теории аргументации Тулмина [Toulmin, 2003].

человек имеют или должны иметь качества / черты / характеристики, содержащиеся в (буквальном) значении X» [Reisigl, Wodak, 2001, p. 77].

Топосы (topoi), по Райзиглу и Водак, противопоставляются логическим ошибкам (fallacies), нарушающим правила ведения рациональных дебатов и конструктивного спора, взятые из теории прагматической диалектики ван Эмерена и Гротендорста [van Eemeren, Grootendorst, 1992, p. 102–217]¹. Хотя авторы этого не указывают эксплицитно, из их утверждений логично вытекает, что сами топосы этих правил не нарушают. Здесь же важно отметить, что в одном из пассажей Райзигл и Водак определяют логические ошибки (fallacies) как ложные схемы аргументации (fallacious argumentation schemes) [Reisigl, Wodak, 2001, p. 75]. Тем не менее Райзигл и Водак отмечают, что на практике «невозможно четко развести более и менее правдоподобные схемы аргументации (more or less plausible argumentation schemes) и логические ошибки (fallacies), особенно [в тех случаях], когда частью схем аргументации являются тенденциозные утверждения» [Reisigl, Wodak, 2001, p. 76]. Таким образом, на первоначальном этапе топосы (topoi) и логические ошибки (fallacies) предстают как две в теории четко противопос-

¹ Ниже приводится перечень из 10 правил в том виде, в каком они представлены у Райзигла и Водак [Wodak, Reisigl, 2001, p. 70–71].

1. Свобода спорить: стороны не должны мешать друг другу выдвигать позиции или ставить их под сомнение.

2. Обязательство доказывать: выдвигая позиции, стороны обязаны защищать их, если это требуется.

3. Корректная отсылка к реплике оппонента: критика позиции оппонента должна относиться к позиции, действительно высказанной оппонентом.

4. Обязательство выдвигать аргументы по сути: позицию можно отстаивать только с помощью аргументов, относящихся к этой позиции.

5. Корректная отсылка к неявным посылкам: непроясненные посылки, оставленные одной из сторон, могут критиковаться. Напротив, нельзя подвергать критике посылки, которые невозможно вывести из выдвинутых тезисов.

6. Уважение общих исходных точек зрения: позиция должна считаться защищенной, если для ее защиты используются аргументы, изначально разделяемые сторонами. Посылка не должна ложно выдаваться за общую исходную точку зрения, а также общие посылки не должны отвергаться в ходе спора.

7. Использование правдоподобных аргументов (plausible arguments) и схем аргументации: позиция должна считаться защищенной, если она защищается с помощью аргументов, в которых корректно применяются принимаемые сторонами спора схемы аргументации. Позиция должна считаться незащищенной, если она не защищается с помощью корректно применяемых неложных схем аргументации (plausible argumentation schemes).

8. Логическая валидность: аргументы, используемые в дискурсивном тексте, должны быть валидными или должны быть способны стать таковыми через эксплицитное выражение одной или нескольких неявных посылок.

9. Признание результатов спора: неудачная защита позиции должна приводить к отказу от этой позиции, удачная защита позиции должна приводить к устранению сомнений в верности этой позиции.

10. Ясность изложения и корректная интерпретация: формулировки не должны быть расплывчатыми или двусмысленными и должны интерпретироваться максимально точно.

тавленные и противостоящие друг другу, но на практике часто смешиваемые разновидности схем аргументации.

В обзорной главе, представляющей дискурс-исторический подход к критическому дискурс-анализу в сборнике «Методы критических исследований дискурса» 2001 г., Водак дословно повторяет определение топоса по Кинпойнтнеру [Kienpointner, 1992; Kienpointner, 1997; также Wodak, 2001, p. 74], но называет топосами уже *все* аргументы (arguments) [Wodak, 2001, p. 76]. Более того, обсуждая правила получения заключений (conclusion rule) для топоса чисел (topos of numbers), Водак прямо говорит, что «*топос может стать ложным (fallacious)*» (курсив мой. – А. А.), если он связан с некорректно полагаемыми [посылками], которые не подтверждаются эмпирически» [Wodak, 2001, p. 76]. Тем самым в этом тексте Водак *полностью* нивелирует различия между такими понятиями, как *топос*, *схема аргументации* (argumentation scheme) и даже *аргумент* (argument). Соответственно, исчезает оппозиция понятий *topos – fallacy*, объединяемых общей концептуальной рамкой понятия «схема аргументации», а логическая ошибка представляется в виде разновидности топоса.

В более поздних трудах исследователей, представляющих дискурс-исторический подход, разделение схем аргументации на топосы и логические ошибки (fallacies) возвращается [см. напр.: Reisigl, 2008; Reisigl, Wodak, 2009; Wodak, de Cillia, Reisigl, Liebhart, 2009]. В работе «Анализируя политическую риторику» 2008 г. Райзигл определяет топос «как правдоподобную схему аргументации», которая «функционирует как связующее звено, ведущее от посылок к заключению» [Reisigl, 2008, p. 118–119]. Во втором издании главы «Дискурс-исторический подход» 2009 г. Райзигл и Водак отмечают, что топосы, хотя и не всегда артикулируются эксплицитно, всегда могут быть сведены к эксплицитным кондициональным или каузальным формулам типа «если X, то Y» или «поскольку X, то Y» [Reisigl, Wodak, 2009, p. 102].

Логические ошибки (fallacies) снова рассматриваются как схемы аргументации, нарушающие уже упоминавшиеся правила рациональной и правдоподобной аргументации, разработанные ван Эмереном и Гротендорстом. Здесь важно подчеркнуть следующее замечание Райзигла: «Иногда тяжело, если не невозможно, четко провести различия между правдоподобной схемой аргументации (topos) и ее искаженной *парой* (fallacy)» (курсив мой. – А. А.)» [Reisigl, 2008, p. 119]. Впоследствии Райзигл и Водак прямо утверждают, что при проведении анализа аргументации топосы и логические ошибки практически неразличимы *без знания контекста* [Reisigl, Wodak, 2009, p. 102].

Примерно тогда же, в 2009 г., во втором, переработанном издании книги «Дискурсивное конструирование национальной идентичности» Водак и соавторы несколько пересматривают определение топоса по Кинпойнтнеру, кочевавшее до этого из одной работы в другую в практически неизменном виде: топосы рассматриваются как «*более или менее фор-*

мальные (*more or less formal*) (например, *locus a minore*) (курсив мой. – А. А.) или связанные с содержанием (*content-related*) (например, топос внешних сдержек) обоснования (*warrants*) или правила получения заключений (*conclusion rules*), соединяющие аргумент(ы) с заключением (*conclusion*), с тезисом (*claim*)» [Wodak et al, 2009, p. 34–35]. Тем самым вдобавок к разделению схем аргументации на правдоподобные (топосы) и ложные (*fallacies*) вводится разбивка топосов на ранее отсутствовавшие в определении формальные (*formal*) и уже устоявшиеся, связанные с содержанием (*content-related*).

Определение понятия «топос» становится еще более перегруженным в работе Водак «Дискурс политики в действии» 2011 г. Сначала исследовательница дает определение топоса по Кинпойнтнеру, встречающееся в более ранних ее работах, представляя топосы как «части аргументации, которые относятся к обязательным, будь то явным или скрытым посылкам, [которые обосновывают] аргумент», и отмечая, что «топосы представляют собой связанные с содержанием обоснования или правила получения заключений, соединяющие аргумент(ы) с заключением или с главным тезисом» [Wodak, 2011, p. 42]. Как мы видим, разделение топосов на формальные и связанные с содержанием в этом пассаже отсутствует – все топосы связаны с содержанием. Несмотря на это в другом месте выделение формальных и связанных с содержанием топосов присутствует: «формальные топосы представляют собой упрощения (*shortcuts*) логико-синтаксической природы; связанные с содержанием топосы зависят от предмета и сферы обсуждения (*topic and field specific*) и являются стандартизированными общими местами (*common places*)» в тексте [Wodak, 2011, p. 213]. Но чуть ниже разделение вновь исчезает: Водак объявляет все топосы «зависящими от сферы и связанными с содержанием обоснованиями (курсив мой. – А. А.), построенными по схеме “если X, то Y”» [Wodak, 2011, p. 214]. Окончательно путаницу в понимание значения понятия «топос» вносит используемое одновременно с определением Кинпойнтнера представление топоса по Ричардсону: «Менее формально топосы можно описать как *хранилища обобщенных ключевых идей* (курсив мой. – А. А.), с помощью которых можно строить отдельные утверждения и аргументы» [Richardson, 2004, p. 230; см. также Wodak, 2011, p. 42].

Очевидно, что столь противоречивое и непоследовательное использование понятия «топос» не могло не вызвать нареканий со стороны других исследователей. Наиболее яркой в этом плане представляется критика дискурс-исторического подхода с позиций классической риторики, сформулированная Игорем Жагаром в статье «Топосы в критическом дискурс-анализе» 2010 г. Автор обвиняет последователей дискурс-исторического подхода в пренебрежении собственными принципами и стандартами проведения исследования: в особенности это, по его мнению, касается принципа, согласно которому ученый «должен делать выбор на каждом этапе исследования, и должен делать этот выбор прозрачным» [Wodak, 2001, p. 65; также Žagar, 2010, p. 4].

Жагар подчеркивает противоречивость и несовместимость одновременного определения топосов как «связанных с содержанием обоснований» (content-related warrants) (по Кинпойнтнеру) и как «хранилищ обобщенных ключевых идей» (reservoirs of generalised key ideas) (по Ричардсону) [Žagar, 2010, p. 5], указывает на смешение формальных и связанных с содержанием топосов при составлении списков топосов различными авторами, а также механический характер компиляции этих списков [Žagar, 2010, p. 6–9]. В конце концов Жагар приходит к выводу, что то, как понятие «топос» используется в рамках дискурс-исторического подхода, «представляет собой в чистом виде вульгаризацию и злоупотребление одним из наиболее важных понятий в риторике» [Žagar 2010, p. 13].

Пожалуй, самой проработанной попыткой ответить на критику и одновременно систематизировать теорию аргументации в рамках дискурс-исторического подхода стала работа «Анализ аргументации и дискурс-исторический подход: Методологическая рамка» Райзигла, увидевшая свет в 2014 г. В ней автор подчеркивает, что «понятия *топос* и *локус* [sic]¹ ясно задумывались как категории анализа аргументации, а не как литературные мотивы или общие места²» [Reisigl, 2014, p. 68]. Определение топоса по Райзиглу сочетает в себе признаки функционального и формального подходов к теории аргументации: структура аргументации анализируется как силлогизм, состоящий из трех базовых элементов – аргумента (argument), правила получения заключения (conclusion rule) и тезиса (claim) [Reisigl, 2014, p. 75]. Правило получения заключения при этом рассматривается в качестве ключевого элемента в схеме, поскольку оно связывает аргумент и заключение. Именно правило получения заключения (conclusion rule) Райзигл и называет «схемой аргументации, также известной как топос или локус» [Reisigl, 2014, p. 75].

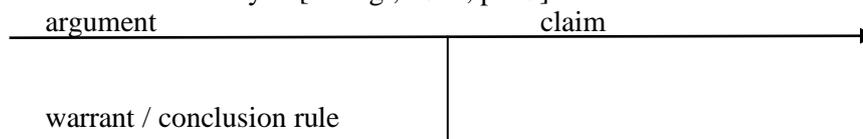

Рис. 2.1.

Структура силлогизма по Кинпойнтнеру

¹ Подобная формулировка вновь позволяет интерпретировать топос и локус как два разных понятия, хотя ни ранее, ни и позднее такая мысль в работах приверженцев дискурс-исторического подхода не встречается.

² Подобная формулировка противоречит утверждению Водак о том, что «связанные с содержанием топосы (content-related topoi) зависят от предмета и сферы обсуждения (topic and field specific) и являются стандартизированными *общими местами* (курсив мой. – А. А.)» [Wodak, 2011, p. 213].

Райзигл отмечает двойственность топоса как не только формального, но и связанного со сферой и содержанием инструмента анализа [Reisigl, 2014, p. 69]. Формальные топосы абстрактны и не зависят от содержания схем аргументации [Reisigl, 2014, p. 76]. Их дополняют связанные с содержанием топосы или схемы аргументации (*content-related topoi*), которые можно «формализовать как повторяющиеся связанные с содержанием правила получения заключения, присущие определенным полям социального действия, дисциплинам, теориям и т.д.» [Reisigl, 2014, p. 77].

Еще одно деление топосов, по Райзиглу, проистекает из природы дискурс-исторического подхода к критическому дискурс-анализу: если дискурс-анализ позиционирует себя как критический, при проведении анализа аргументации он должен опираться на некоторую нормативную модель. Отсюда важность различения правдоподобных и ложных схем аргументации. Делается это главным образом с помощью соотнесения схем аргументации с правилами ведения рациональных дебатов и конструктивного спора прагматодиактики ван Эмерена и Гротендорста: те схемы, которые нарушают эти правила, объявляются ложными [Reisigl, 2014, p. 80]. В то же время Райзигл полагает, что для формирования *полноценной* нормативной базы оценки аргументации к этим правилам важно добавить отсылки к нормам демократии, этическим принципам справедливости и равенства, а также к принципу эмпатии (*erweiterte Denkungsart*) по Канту и Арендт [Reisigl, 2014, p. 92].

Учитывая то, что переосмысленное и систематизированное Райзиглом понятие *топос* с тех пор не претерпевало значительных модификаций в работах сторонников дискурс-исторического подхода [см. напр.: Reisigl, Wodak, 2016; Reisigl, 2018], полезно оглянуться назад и посмотреть, откуда это понятие было заимствовано¹, чтобы выявить причины его терминологической размытости и пути ее преодоления.

3. Происхождение и значения понятия «топос»

Понятие «*топос*» (от греческого «*τοπος*» – «место, местоположение») было введено в научный оборот еще ранними риториками – так, его использование приписывается Протагору и Горгию [Žagar, 2010, p. 14], но наиболее детально оно было разработано Аристотелем в его сочинениях «Топика» и «Риторика». С самого начала понятие «*топос*» лежало на пересечении риторики и диалектики (т.е. логики в современном ее понимании): две из трех книг аристотелевской «Риторики» [Аристотель, 1978 а] посвящены именно теории аргументации.

¹ Ранее уже неоднократно отмечалось, что последователи дискурс-исторического подхода сами подчеркивают заимствованный характер понятия «*топос*».

Несмотря на то что в теории аргументации Аристотеля топосы занимают важнейшее место – они выступают основными инструментами для поиска аргументов [Kienpointner, 2018, p. 230], – им не дается четкого определения. Вместо этого Аристотель сосредоточивается на описании способов применения топосов: так, в «Топике» он приводит список из более чем 300 топосов [Аристотель, 1978 б], а в «Риторике» описывает способы применения 28 топосов [Аристотель, 1978 а].

Вместе с тем было сделано несколько попыток реконструировать значение понятия «топос» по Аристотелю. Так, важной для прояснения значения понятия в том виде, как его понимал Аристотель, представляется этимология: в частности, Риток [Ritók, 1975, p. 112; см. также: Rubinelli, 2009, p. 13] отмечает, что в IV в. до н.э. слово «топос» использовалось в греческой военной терминологии для обозначения «места, из которого можно развить определенную силу и эффективность». В этом контексте аристотелевские топосы представляются стратегиями аргументации, позволяющими создавать успешные речи и одерживать победу над противниками [Rubinelli, 2009, p. 13].

Пожалуй, самой распространенной из существующих реконструкций значения топоса по Аристотелю считается реконструкция де Патера [de Pater, 1965, p. 167], предполагающего, что аристотелевский топос выполняет «две основные функции: селективную (отсюда и понятие *топос* как “место”, где можно найти аргументы) и гарантийную» [Rubinelli, 2009, p. 23]. Первая функция выражается в возможности представить топосы как правила поиска аргументации, позволяющие говорящему выбрать из всего множества возможных аргументов подходящие. Вторая функция аристотелевских топосов заключается в том, что они обеспечивают в ходе аргументации переход от логической посылки к заключению (что сближает их со схемами аргументации в том виде, в каком они используются в дискурс-историческом подходе к дискурс-анализу).

Важно также отметить реконструкцию аристотелевского топоса Рубинелли. Так, исследовательница полагает, что в аристотелевской «Топике» топос – это стратегия аргументации, состоящая из предписания и закона [Rubinelli, 2009, p. 145]. Предписание дает понять оратору, как подойти к суждению с абстрактной точки зрения, чтобы сформулировать подходящую посылку, и как ее использовать для доказательства или опровержения этого суждения. Закон же обеспечивает успешность выполнения операций, изложенных с помощью предписаний, в соответствии с выведенными Аристотелем 11 видами заключений [Rubinelli, 2009, p. 29–42].

Важно отметить, что в отличие от топосов в дискурс-историческом подходе аристотелевские топосы носят абстрактный характер. Так, Аристотель дает ясно понять, что для конструирования аргументов в реальной жизни в рамках конкретных научных дисциплин топосы нужно применять с помощью логических посылок (*πρωτασεις* / *protaseis*), основанных на содержании этих дисциплин: в топосах оратор находит принципы выведения

заклучений для обеспечения логической валидности аргументов, а посылки позволяют сфокусироваться на сути обсуждаемого вопроса. Аргументы проистекают именно из логических посылок (*προτάσεις* / *protaseis*), а умение найти эти логические посылки позволяет оратору использовать топысы и построить аргументацию в реальной жизни [Rubinelli, 2009, p. 146].

В дальнейшем понимание топоса было существенно переработано Цицероном (табл. 1): он не только заменил греческую терминологию латинской, введя вместо топосов *локусы* (от латинского «*locus*» – «место», «местоположение»), и свел 300 аристотелевских топосов из «Топики» и 28 топосов из «Риторики» в список из 20 локусов [Цицерон, 1972], но и переосмыслил сущность аристотелевских топосов – *абстрактных* правил поиска подходящей аргументации – как *связанных с содержанием* схем аргументации [Žagar, 2010, p. 19], что уже существенно ближе к пониманию топоса в дискурс-историческом подходе.

Тем не менее Цицерон также не дал четкого определения понятия «*локус*», наполняя его различными значениями в разных контекстах. Так, в трактате Цицерона «О нахождении материала» понятие используется в более или менее техническом смысле: наиболее часто *локус* встречается в значении «тема», хотя также можно выделить значения «схема аргументации», «указание на суть дела», «аргумент» и «общее место» (*locus communis*) [Rubinelli, 2009, p. 101–111]. В то же время в трактатах «Об ораторе» и «Топика», в которых Цицерон обсуждает локусы, приписываемые им Аристотелю, локусы понимаются как применимые на практике схемы аргументации [Rubinelli, 2009, p. 148]. И все же, несмотря на ярко выраженную эмпирическую направленность использования локусов, что очевидно сближает их с топосами в понимании представителей дискурс-исторического подхода, Цицерон эксплицитно выводит их из аристотелевских топосов, указывая при этом, что локусы представляют собой «места жительства *всех* аргументов (курсив мой. – А. А.)» (*sedes et quasi domicilia omnium argumentorum*)¹.

¹ В русскоязычных переводах «источники, из которых можно извлечь основание всякого доказательства» [Цицерон, 1972, с. 127] (*De Or.* II. XXXVI. 152)

**Сравнение топоса по Аристотелю [Аристотель, 1978 б, с. 375–376]
(*Тор.* В 2, 109 б 30–110 а 9) с локусом по Цицерону
[Цицерон, 1972, с. 135] (*De Or.* II. XXXIX. 164)
на примере топоса / локуса «из определения»**

	«Топос из определения (εξ ορισμοῦ)» у Аристотеля	«Локус из определения (ex definitio)» у Цицерона
Принцип использования	«Дать определение приводящего и того, для чего оно есть приводящее, или дать определение того и другого в отдельности или одного из них, а затем выяснить, не взято ли в определении как истинное нечто неистинное».	«Если предмет берется в целом, то его общий смысл должен быть раскрыт в определении».
Пример использования	«Если ставится вопрос, может ли хороший человек быть завистливым, то следует выяснить, кто завистлив и что такое зависть. Ибо если зависть означает огорчение из-за очевидного преуспевания какого-нибудь добродетельного человека, то ясно, что хороший человек не может быть завистливым, ибо в таком случае он был бы дурным человеком».	«Если величие есть достоинство и честь государства, его умалил тот, кто предал войско врагам римского народа, а не тот, кто сделавшего это предал власти римского народа».

В следующий раз исследователи серьезно переработали значение понятия «топос» («локус») в контексте теории аргументации уже в XX в.: в 1958 г. свет увидела работа Хаима Перельмана и Люси Ольбрехтс-Тытеки «Новая риторика. Трактат об аргументации» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969]. Перельман и Ольбрехтс-Тытека, оперирующие понятием «локус» (locus), предлагают переосмыслить его, обратившись к аристотелевскому пониманию топоса как *locus communis* (общего места), характеризуемого «максимальной применимостью [...] во всех обстоятельствах» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 83]. В этом свете локусы понимаются ими «как посылки очень общего рода» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 84], на которых имплицитно строится обоснование большей части предпочтений и выборов.

Важно отметить, что локусы, по Перельману и Ольбрехтс-Тытеке, наряду с фактами, допущениями, ценностями и иерархиями ценностей являются отправными точками аргументации и четко отделены от техник аргументации (*techniques of argumentation*), соответствующих схемам аргументации. Оратор, отталкиваясь от этих отправных точек, использует схемы аргументации (квазилогические аргументы (*quasi-logical arguments*), аргументы, основанные на структуре действительности (*arguments based on the structure of reality*), и аргументы, конструирующие структуру действительности (*arguments establishing the structure of reality*)), для того чтобы сделать свою позицию приемлемой для аудитории [van Eemeren, 2015, p. 35]. Очевидно, что подобное использование понятия *локус* (*топос*) также идет вразрез с теорией и практикой последователей дискурс-исторического подхода.

Определение понятия «топос» в его первоначальном виде, как отмечают Мартин Райзигл и Рут Водак [Reisigl, Wodak, 2001, p. 76], было без каких-либо изменений позаимствовано в работе Манфреда Кинпойнтнера «Повседневная логика. Структура и функция схем аргументации» 1992 г. Представляется, что именно стремление Кинпойнтнера упростить сложно-составные топосы (локусы) Аристотеля и Цицерона, с одной стороны, и охватить единой теоретической рамкой *все* основные существующие подходы к теории аргументации¹ – с другой, и привело к размыванию значения понятия «топос». И действительно, в одной из его работ находим:

«Для нашего анализа мы попытались объединить различные подходы. [...] Древние и современные риторические традиции пытались классифицировать (повседневные) аргументы как случаи применения схем аргументации. В рамках топической традиции древней риторики и диалектики эти схемы называются Аристотелем [...] и Цицероном [...] топосами / локусами, в то время как в “Новой риторике” Перельмана и Ольбрехтс-Тытеки [...] им дано название “техник аргументации”» [Kienpointner, Kindt, 1997, p. 556].

Иными словами, Кинпойнтнер сводит все разнообразие смыслов, наполняющее понятие «топос» в теориях аргументации (и различных работах) Аристотеля и Цицерона, к понятию *схема аргументации* («техника аргументации» в терминологии Перельмана и Ольбрехтс-Тытеки). Таким образом, несмотря на то что понятие «топос» получает новое основное значение – «схема аргументации», оно продолжает отождествляться именно с топосом Аристотеля.

Важно отметить, что Кинпойнтнер, рассматривая аристотелевский топос, берет за основу реконструкцию де Патера [de Pater, 1965, p. 167] и вслед за ним выделяет у топоса селективную² и гарантийную функции. При этом, описывая гарантийную функцию аристотелевских топосов, Кинпойнтнер идет дальше своего предшественника:

«[гарантийная] функция позволяет *отождествить* (allows an equation) (курсив мой. – А. А.) аристотелевские топосы с обоснованиями умозаключений (inference warrants) по Тулмину: они обеспечивают возможность перехода от посылок к заключению» [Kienpointner, Kindt, 1997, p. 562].

Тем самым Кинпойнтнер полностью отождествляет аристотелевский топос, а через него и понятие «топос» вообще с конкретной моделью схемы аргументации – с обоснованием умозаключения (inference warrants) по

¹ Кинпойнтнер подробно рассматривает классические и современные теории аргументации в своей работе «Современные адаптации “Топик” Аристотеля и Цицерона: Тулмин, Перельман, Анскомбр / Дюкро» [Kienpointner, 2001].

² К примеру, Кинпойнтнер подробно останавливается на селективной функции аристотелевских топосов в своей работе «Об искусстве нахождения аргументов: Что древние и современные мастера инвенции хотят сказать нам об ‘Ars Inveniendi’» [Kienpointner, 1997, p. 226–227]).

Тулмину. Соответственно, описание тулминовского обоснования умозаключения (inference warrant) [Toulmin, 2003, p. 89–95] ложится в основу определения топоса по Кинпойнтнеру, позже заимствованного Райзиглом и Водак [Kienpointner, 1992, p. 194; также Reisigl, Wodak, 2001, p. 75–76].

Как использовать понятие «топос»?

Подход, избранный Манфредом Кинпойнтнером, – при котором исследователь манипулирует значениями уже существующего и широко используемого понятия, – связан с целым рядом рисков практического характера.

Во-первых, в рамках одного понятия начинают сосуществовать его новые и старые значения. Это, в свою очередь, приводит к его чрезмерному растяжению (в духе Сартори [Sartori, 1970]) и размыванию заложенных в нем на более ранних этапах смыслов. Как можно видеть из проведенного анализа использования понятия «топос» в работах Аристотеля, Цицерона, Перельмана и Ольбрехтс-Тытеки, на которые, по его собственным словам, опирается Кинпойнтнер, ни в одной из них топос (локус) не употребляется как схема аргументации *в основном своем значении*.

Во-вторых, использование чрезмерно растянутых понятий с размытыми значениями контрпродуктивно. Подобные понятия не выполняют одну из своих важнейших функций – объяснительную. В этом свете логичной представляется терминологическая путаница, возникающая в работах сторонников дискурс-исторического подхода: поскольку до конца не ясно, каким образом понятие *схема аргументации* соотносится с понятием «топос», в одной части работ делаются попытки представить *все* схемы аргументации – и правдоподобные, и ложные – как топосы, в других случаях исследователи следуют в русле античной традиции теории аргументации и называют топосами *только* правдоподобные схемы аргументации. Параллельно с этим они вынуждены подчеркивать разницу между абстрактной и формальной природой топоса по Аристотелю и материальным, связанным с содержанием его пониманием в доаристотелевской и римской (Цицерон и Квинтилиан) риторике, а затем и у Кинпойнтнера [см., напр.: Forchtner, 2014, p. 24; Reisigl, 2014, p. 78].

Вероятно, употребление Кинпойнтнером понятия «топос» – это в первую очередь дань уважения Аристотелю. Но авторитет и наследие древнегреческого философа оказались настолько велики, что использование прочно увязанного с ним понятия в новом значении на практике оказалось сопряжено с реальными трудностями. В этой ситуации наиболее разумным представляется заменить понятие «топос» в значении, употребляемом в рамках дискурс-исторического подхода, понятием *схема аргументации* (argumentation scheme). Такой шаг не должен встретить отторжения, поскольку практика использования понятия *схема аргументации* сторонниками дискурс-исторического подхода позволяет утверждать, что

его значение *полностью тождественно* определению Кинпойнтнера. Вместе с тем это позволит четко развести понятия, обозначающие правдоподобные (plausible) и ложные (fallacious) схемы аргументации. Использование понятия «топос» (topos), в свою очередь, логично ограничить теми значениями, в которых оно наиболее близко к аристотелевскому, и применять его для обозначения формальных (не связанных с контекстом и содержанием) правдоподобных схем аргументации (formal plausible argumentation schemes).

Ограничение использования понятия «топос» теми значениями, в которых оно сближается с его употреблением в аристотелевской риторике, имеет два важных положительных аспекта. Во-первых, оно отражает существующую в науке действительность: последователи дискурс-исторического подхода четко разводят формальные и связанные с содержанием и контекстом схемы аргументации, уделяя первоочередное внимание изучению последних.

Во-вторых, сближение значения понятия «топос» с изначальным облегчает нахождение точек соприкосновения с другими дисциплинами, использующими понятия «топос» и «локус», заимствованные из античной риторической традиции. Такое сближение позволит, в частности, усовершенствовать аналитические инструментари различных дисциплин и проще переносить их аналитические категории на новую почву. В частности, это позволит создать условия для более эффективного переноса в область дискурс-анализа ряда литературоведческих инструментов, которые сейчас скрываются за размытым понятием топоса в литературоведении [подробнее см.: Степанов, 2018], которое плохо совместимо с одноименным понятием, принятым в сфере дискурс-исторического подхода.

Список литературы

- Аристотель*. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Издательство Московского университета, 1978 а. – С. 15–167.
- Аристотель*. Топика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1978 б. – Т. 2 / под ред. З.Н. Микеладзе. – С. 348–533.
- Васильева И.Э.* Топос в культуре Нового времени: К постановке проблемы // Мир русского слова. – СПб., 2018. – № 4. – С. 70–78.
- Грякалов А.А.* Топос и субъективность: Свидетельства утверждения. – СПб.: Наука, 2018. – 567 с.
- Ильин М.В.* Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разведенные сферы познания? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 6–11.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- Степанов А.Д.* Понятие топос – проблема границ // Мир русского слова. – СПб., 2018. – № 2. – С. 41–46.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: Возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – М., 2015. – Вып. 2. – С. 8–24.

- Хаззагерев Г.Г.* Топос vs концепт: К изучению топосферы культуры // Известия ЮФУ. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2008. – Вып. 3. – С. 6–26.
- Цицерон М.Т.* Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С. 75–235.
- Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in Late Modernity. Rethinking Critical Discourse Analysis. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1999. – 168 p.
- De Pater.* Les Topiques d'Aristote et la dialectique platonicienne. – Fribourg: Éditions St. Paul, 1965. – 257 p.
- Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. – London: Longman, 1995. – 265 p.
- Forchtner B.* Historia Magistra Vitae: The Topos of History as a Teacher in Public Struggles over Self and Other Representation // Contemporary Critical Discourse Studies / Cap P., Hart C. (eds.). – London; New York: Bloomsbury Academic, 2014. – P. 19–45.
- Hart C., Cap P.* Introduction // Contemporary Critical Discourse Studies / Cap P., Hart C. (eds.). – London; New York: Bloomsbury Academic, 2014. – P. 1–17.
- Kienpointner M.* Alltagslogik. Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. – Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann: Holzboog, 1992. – 447 S.
- Kienpointner M.* Modern Revivals of Aristotle's and Cicero's Topics: Toulmin, Perelman, Anscombe / Ducrot // Journal of Latin Linguistics. – Berlin, 2001. – Vol. 7, N 1 – P. 17–34.
- Kienpointner M.* On the Art of Finding Arguments: What Ancient and Modern Masters of Invention have to Tell Us About the 'Ars Inveniendi' // Argumentation. – Berlin, 1997. – N 11. – P. 225–236.
- Kienpointner M.* Rhetoric and Argumentation // Routledge Handbook of Critical Discourse Studies / Flowerdew J., Richardson J. (eds.). – London; New York: Routledge, 2018. – P. 228–242.
- Kienpointner M., Kindt W.* On the problem of bias in political argumentation. An investigation into discussions about political asylum in Germany and Austria // Journal of Pragmatics. – Amsterdam, 1997. – N 27. – P. 555–585.
- Kopperschmidt J.* Argumentationstheorie zur Einführung. – Hamburg: Junius, 2000. – 176 S.
- Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / translated by Wilkinson J., Weaver P. – Notre Dame, Indiana; London: University of Notre Dame Press, 1969. – 576 p.
- Reisigl M.* Analyzing Political Rhetoric // Qualitative Discourse Analysis in the Social Sciences / Wodak R., Krzyżanowski M. (eds.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 96–120.
- Reisigl M.* Argumentation Analysis and the Discourse-Historical Approach: A Methodological Framework // Contemporary Critical Discourse Studies / Cap P., Hart C. (eds.). – London; New York: Bloomsbury Academic, 2014. – P. 67–96.
- Reisigl M.* Discourse-Historical Approach // Routledge Handbook of Critical Discourse Studies / Flowerdew J., Richardson J. (eds.). – London; New York: Routledge, 2018. – P. 44–59.
- Reisigl M., Wodak R.* Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism. – London: Routledge, 2001. – 300 p.
- Reisigl M., Wodak R.* The Discourse-Historical Approach (DHA) // Methods of Critical Discourse Studies / Wodak R., Meyer M. (eds.). – 2nd revised edition. – London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2009. – P. 87–121.
- Reisigl M., Wodak R.* The Discourse-Historical Approach (DHA) // Methods of Critical Discourse Studies / Wodak R., Meyer M. (eds.). – 3rd revised edition. – London; Thousand Oaks; New Delhi; Singapore: Sage, 2016. – P. 23–61.
- Richardson J.* (Mis)Representing Islam: The racism and rhetoric of British Broadsheet newspapers. – Amsterdam: John Benjamins, 2004. – 286 p.
- Ritoók Zs.* Zur Geschichte des Topos-Begriffes // Actes de la XIIe Conférence internationale d'études classiques «Eirene»: Cluj-Napoca, 2–7 octobre 1972. – Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1975. – P. 111–114.

- Rubinelli S.* *Ars Topica. The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero.* – Berlin: Springer, 2009. – 160 p.
- Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics // *The American Political Science Review.* – Cambridge, 1970. – Vol. 64, N 4. – P. 1033–1035.
- The Discursive Construction of National Identity / Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K.* – 2nd revised edition. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2009. – 276 p.
- Toulmin S.* *The Uses of Argument (updated edition).* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 247 p.
- Van Eemeren F.H.* In What Sense Do Modern Argumentation Theories Relate to Aristotle? The Case of Pragma-Dialectics // *Reasonableness and Effectiveness in Argumentative Discourse / Van Eemeren F.H. (ed.).* – London: Springer, 2015. – P. 31–54.
- Van Eemeren F.H., Grootendorst R.* *Argumentation, Communication, and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective.* – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. – 252 p.
- Van Eemeren F.H., Grootendorst R., Snoeck Henkemans F.A.* *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments.* – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – 432 p.
- Van Eemeren F.H., Houtlessen P., Snoeck Henkemans F.A.* *Argumentative Indicators in Discourse. A Pragma-Dialectical Study.* – Dordrecht: Springer, 2007. – 234 p.
- Wengeler M.* *Topos und Diskurs.* – Tübingen: Niemeyer, 2003. – 586 S.
- Wodak R.* 'Anything Goes!' – The Haiderization of Europe // *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse / Wodak R., KhosraviNik M., Mral B. (eds.).* – London: Bloomsbury Academic, 2013. – P. 23–38.
- Wodak R.* *The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual.* – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 252 p.
- Wodak R.* The Discourse-Historical Approach (DHA) // *Methods of Critical Discourse Studies / Wodak R., Meyer M. (eds.).* – London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2001. – P. 63–94.
- Wodak R., Weiss G.* Analyzing European Union Discourses. Theories and Applications // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis / Wodak R., Chilton P. (eds.).* – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. – P. 121–137.
- Žagar I.* Topoi in Critical Discourse Analysis // *Łódź Papers in Pragmatics.* – Łódź, 2010. – Vol. 6, № 1. – P. 3–27.

Сведения об авторах

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел политической науки, ИНИОН РАН. E-mail: avdoninvla@mail.ru

Алексеев Александр Владимирович – аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: dao.lao.zu@gmail.com

Веретенников Егор Викторович – магистрант, МГИМО МИД России. E-mail: egor.veretennikov30.05.1991@gmail.com

Дёгтева Ирина Сергеевна – бакалавр социологии, магистрантка 2 курса факультета управления и политики, МГИМО МИД России. E-mail: dyogteva.irina@gmail.com

Золян Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения. E-mail: surenzolyan@gmail.com

Ильин Михаил Васильевич – доктор политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН. E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Кануков Ратмир Заурович, студент 1 курса магистратуры МГИМО «Международный политический консалтинг». E-mail: ratmir.kanukoev@yandex.ru

Киосе Мария Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокогнитивных исследований, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: maria_kiose@mail.ru

Кокелман Пол (Paul Kockelman) – доктор философии (PhD) в области антропологии, профессор антропологии, Йельский университет. E-mail: paul.kockelman@yale.edu

Локшин Илья Михайлович – кандидат политических наук, доцент Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: ilya.lokshin.ne@inbox.ru

Малинова Ольга Юрьевна – доктор политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник, ИНИОН РАН. E-mail: omalinova@hse.ru

Мясникова Екатерина Марковна – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого. E-mail: myasnikova_em@spbstu.ru

Остапенко Герман Игоревич – бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ИНИОН РАН. E-mail: ostig@bk.ru

Пасюк Анастасия Сергеевна – магистрантка МГИМО МИД России. E-mail: ana.pasyuk@gmail.com

Пирс Чарльз Сандерс (Charles Sanders Peirce) (1839–1914) – американский философ, логик, математик, основоположник семиотики и прагматизма.

Седов Александр Евгеньевич (1954–2016) – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники РАН.

Спиров Александр Владимирович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН; участник проекта «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований», ИНИОН РАН. E-mail: sspirov@yandex.ru

Сушин Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет; старший научный сотрудник, Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям, ИНИОН РАН. E-mail: m.a.sushchin@gmail.com

Фокин Кирилл Валерьевич – аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; участник проекта «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований», ИНИОН РАН. E-mail: kainer-1@yandex.ru

Фомин Иван Владленович – кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН. E-mail: fomin.i@gmail.com

Фомина Анна Владленовна – переводчик с английского, преподаватель английского международного кембриджской квалификации CELTA. E-mail: fomina.a.v@gmail.com

Хлебников Георгий Владимирович – кандидат философских наук, заведующий Отделом философии, ИНИОН РАН. E-mail: gwvoloshin@gmail.com

Чалый Вадим Александрович – доктор философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, старший научный сотрудник Академии Кантиана. E-mail: vadim.chaly@gmail.com

Чебанов Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры математической лингвистики филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: s.chebanov@spbu.ru, s.chebanov@gmail.com

Шмерлина Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.
E-mail: shmerlina@yandex.ru